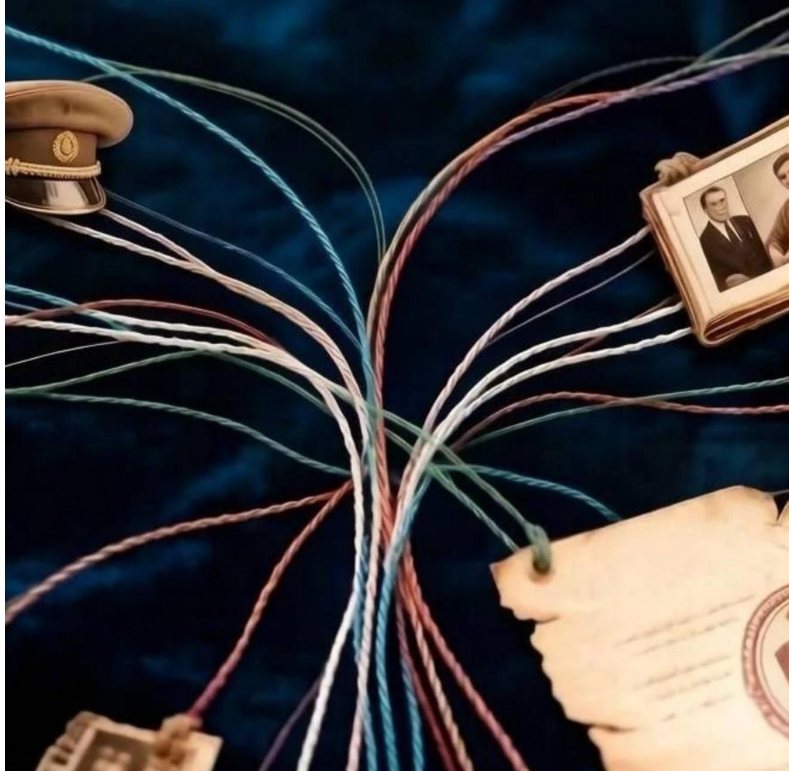

ГАЛИНА ФИРСОВА

ЛИНИИ СУДЬБЫ

РАССКАЗЫ О РАЗНОМ

Галина Фирсова

Линии судьбы

<https://litres.ru/73929344>

SelfPub; 2026

Аннотация

Автор затронула темы, которые не оставят равнодушными читателей. Этот сборник – путешествие по самым важным граням человеческой жизни. В нём переплетаются тёплые истории о семейных ценностях, где каждый день – это школа любви и взаимопонимания; искренние армейские воспоминания, раскрывающие силу товарищества и характер в непростых условиях; пронзительные сюжеты о преодолении трудностей, показывающие, на что способен человек, когда кажется, что сил уже нет; трогательные эпизоды, напоминающие о том, как важно оставаться человеческим даже в мире, порой лишённом тепла. Каждая история – это зеркало, в котором читатель может увидеть частичку себя, найти опору или просто почувствовать, что он не одинок. Эта книга о том, что делает нас людьми: о семье, долге, стойкости и доброте.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Линии судьбы

Глава

ЛИНИИ СУДЬБЫ

Рассказы о разном

ОТ АВТОРА

Дорогие читатели!

Эта книга родилась из самых живых и искренних моментов жизни – тех, что не забываются, а остаются с нами навсегда. В ней собраны истории, вдохновлённые реальными событиями, людьми и переживаниями: семейные вечера, армейские будни, испытания, которые закаляют характер, мгновения человеческой доброты, способные согреть даже в самый холодный день.

Я писала эти рассказы с одной мыслью: напомнить, что самое важное всегда рядом: семья, которая поддержит в трудный час; товарищи, готовые подставить плечо; трудности, делающие нас сильнее; простые человеческие поступки, из которых складывается настоящее счастье.

Пусть каждая история найдёт отклик в вашем сердце – напомнит о чём-то своём, заставит улыбнуться или задуматься. Ведь все мы, по сути, рассказываем одну большую историю – историю человеческой души.

С теплом и благодарностью,
Галина Фирсова.

Бабушкин сундук

Солнечный луч, пробившись сквозь пыльное слуховое окно, разрезал полумрак чердака надвое. Пахло сухой пылью, старым деревом и немного сыростью. Витька, приехавший на каникулы к бабушке в деревню, с энтузиазмом разбирал хлам. Его задачей было найти что-нибудь ценное для гаражной распродажи или просто выбросить ненужное.

Он отодвинул в сторону стопку пожелтевших журналов «Огонёк», пнул ногой ржавый трёхколёсный велосипед и уже собирался вынести на свет старую швейную машинку «Подольск», когда его нога обо что-то споткнулась. Под слоем тряпок и газет скрывался массивный деревянный сундук, окованный по углам потемневшим от времени металлом. Замка не было, лишь широкая кожаная петля, высохшая и потрескавшаяся, стягивала крышку.

Витька с трудом поднял тяжёлую крышку. Петля жалобно скрипнула, словно жалуясь на то, что её потревожили. Внутри пахло лавандой – бабушка всегда клала её в бельё от моли.

На дне лежала стопка перевязанных выцветшей лентой писем. Витька осторожно взял верхний конверт. Бумага была тонкой, почти прозрачной, а адрес написан аккуратным,

летающим почерком с сильным наклоном: «Полевая почта...». Рядом лежал пожелтевший, выцветший снимок: молодая девушка в простом платье и парень в военной форме, они смеялись, глядя друг на друга.

Под фотографиями он нашёл аккуратно сложенную вышивку. Это был рушник с красными петухами и сложным геометрическим узором по краю. Ткань была ветхой, но цвета ниток всё ещё оставались яркими, будто их вышили только вчера.

Витька спустился вниз, прижимая к груди свою находку. Бабушка Анна Петровна сидела в кресле-качалке у окна и вязала носок.

– Ба, смотри, что я нашёл! – выпалил внук, выкладывая на стол письма и фотографию.

Бабушка замерла. Её спина выпрямилась, а спицы тихо звякнули, упав на вязание. Она медленно надела очки и взяла в руки фотографию. Её пальцы, изуродованные артритом, дрожали.

– Господи... – прошептала она. – Это же мы с твоим дедом Петей... В сорок третьем. Перед его отправкой.

Она долго молчала, водя пальцем по контуру лица на снимке.

– А это? – Витька указал на письма.

– Это его письма ко мне. Он писал с фронта каждую неделю... пока мог.

Она взяла в руки рушник.

— А это я ему вышивала. Обещала встретить с этим рушником. Да не успела...

В её памяти ожила картина: холодный октябрь 1941-го. Эшелон, набитый людьми до отказа. Запах гари, плач детей и пар от дыхания сотен людей на морозе. Она, совсем девочка, прижимала к себе узелок с вещами и этот самый рушник. Поезд тащился медленно, подолгу стоя на безымянных полустанках.

На одной из таких остановок она увидела его — Петю. Он был в новенькой, ещё не обмятой форме. Они успели перекинуться лишь парой слов через окно вагона.

— Я вернусь! — крикнул он ей вслед.

— Я буду ждать! — ответила она, махая рукой с вышитым рушником.

Письма приходили редко. В них он описывал не бои, а погоду: «Сегодня выпал первый снег», «У нас оттепель». А потом письма перестали приходить совсем...

Витька сидел тихо, боясь нарушить тишину. Он смотрел на свою бабушку, на её морщинистое лицо, на седые волосы, собранные в тугий пучок, и видел перед собой не просто старушку, которая варит вкусные щи и ворчит на беспорядок. Он видел ту самую девочку с эшелона, которая ждала вестей с фронта. Которая хранила эти письма и эту вышивку как самое дорогое сокровище всю жизнь.

— Ба... — тихо сказал он, — давай я помогу тебе разобрать эти письма. Расскажи мне о нём.

Бабушка подняла на него глаза, полные слёз:
– Расскажу, внучек... Расскажу всё, как было.

Витька понял: история его семьи – это не просто даты в документах. Это вот эти пожелтевшие конверты, это тихая боль в бабушкиных глазах и обещание, вышитое красными нитками на старом рушнике. Он смотрел на вещи на столе уже совсем другими глазами, как на бесценные артефакты чужой, но такой родной жизни.

Крещенский свет

В маленьком посёлке недалеко от Омска, где дома зимой укутаны пушистыми белыми шапками, а улицы утопают в снегу, жила девочка Лиза – мечтательная первоклассница.

Её мама работала в местной библиотеке и привила дочке любовь к чтению хороших детских книг, а укладывая спать, рассказывала ей сказки, которые учили добрым поступкам и знакомили со справедливыми и бесстрашными героями. А папа работал автомехаником в гараже на окраине города. Семья жила скромно, но дружно.

Накануне Крещения Лиза возвращалась из школы и заметила у забора старого заброшенного дома крохотного щенка. Он дрожал от холода, жалобно поскуливал и пытался зарыться в снег. Сердце девочки сжалось. Она сняла с себя тёплый шарф, завернула в него дрожащего малыша и понесла домой.
– Нельзя его оставить, – твердила Лиза, прижимая щенка

к груди. – Скоро Крещение! Значит, надо делать добрые дела.

Дома мама вздохнула, но не стала прогонять найдёныша. Папа, хоть и ворчал, что ещё один рот кормить, смастерил щенку лежанку из старого пледа. Назвали его Снежком за белоснежную пушистую шёрстку.

На Крещение Лиза с родителями пошла в церковь, а по пути домой дружное семейство решило зайти в парк. Там, у замёрзшего пруда, девочка заметила пожилую женщину. Она стояла, опираясь на трость, и плакала.

– Бабушка, что случилось? – спросила Лиза.

– Потеряла кошелёк, – прошептала старушка, – а там и деньги, и документы... Без них мне никак.

Лиза оглянулась на родителей. Мама кивнула. Папа достал из портмоне несколько купюр и протянул женщине:

– Возьмите. Это не вернёт Ваш кошелёк, но хоть немного поможет.

Старушка всхлипнула, поблагодарила и вдруг взглянула на Снежка, который тёрся у её ног:

– Боже мой... Это же мой Барни! Я его искала два дня! Он убежал, когда я споткнулась о камень и упала во дворе.

Оказалось Снежок (он же Барни) был её щенком. Женщина жила одна, взяла к себе

Барни, и он был её единственным другом и утешением.

Лиза, не раздумывая, отдала пёсика старушке.

– Но ты же так его любила, – удивилась мама.

– Он нужен бабушке больше, ответила Лиза. – А я рада, что он нашёлся.

Пожилая женщина растрогалась до слёз и пригласила Лизу с родителями приходить к ней в гости.

Они пришли к ней вечером следующего дня, пили чай с печеньем, и старушка подарила Лизе красивую книгу сказок с иллюстрациями.

В Крещенскую ночь Лиза смотрела в окно на звёздное небо и улыбалась. Она знала: даже маленький поступок может осветить чью-то жизнь, как крещенская звезда. А добро, отданное с чистым сердцем, всегда возвращается.

Осенний вокзал

Павел стоял у высокого, запотевшего окна в зале ожидания. За стеклом мир превратился в акварельный этюд, написанный серой и охрой. С низкого, свинцового неба срывался мелкий, нудный дождь. Он не бил в стекло, а словно просеивался сквозь воздух, оседая на асфальте жирной, блестящей плёнкой.

Вокзал жил своей механической жизнью. Гул голосов, неразборчивые объявления по громкой связи, дребезжание тележки с чемоданами – всё это сливалось в монотонный, убаюкивающий шум. Павел не слышал его. Он смотрел на мокрые рельсы, убегающие в туманную даль. Поезд опаздывал уже на пятнадцать минут. Он не торопил время. Наобо-

рот, он боялся этого момента – момента, когда всё закончится.

Двери вокзала с шипением разъехались, впуская новую порцию холодного воздуха и людей. Павел машинально скользнул взглядом по потоку пассажиров и замер.

На другой стороне зала, у табло с расписанием, стояла она. Марина. На ней было то самое тёмно-синее пальто с воротником-стойкой и лёгкий шарф, который он помнил до мельчайшей складки. Она не смотрела в его сторону. Её взгляд был прикован к бегущим строчкам на электронном табло, словно там был написан ответ на все её вопросы.

Павел почувствовал, как внутри всё сжалось. Он видел её профиль: чуть нахмуренные брови, выбившуюся из-под шарфа прядь волос. Он хотел подойти, окликнуть её, но ноги словно приросли к полу. Между ними было всего двадцать метров и целая вечность недосказанных слов.

Поезд прибыл с опозданием. Объявили посадку на её маршрут. Марина вздрогнула, словно очнувшись ото сна, и подхватила свою небольшую дорожную сумку. Она пошла к выходу на перрон и неизбежно должна была пройти мимо него.

Когда их разделяло всего несколько шагов, она подняла глаза. Их взгляды встретились. В её глазах не было ни удивления, ни радости – только глубокая, усталая печаль.

– Ты всё-таки пришёл, – тихо сказала она, остановившись.
– Я же обещал проводить.

Это была ложь. Он не обещал. Он просто не мог не прийти.

– Холодно сегодня, – добавила она после паузы, глядя на его мокрое от дождя плечо.

– Это просто осень.

Они стояли друг напротив друга, разделённые невидимой стеной из обид, гордости и невысказанных признаний. Слова казались лишними, грубыми по сравнению с той тишиной, что повисла между ними.

– Пора идти, – наконец произнесла она, нарушая хрупкое равновесие момента.

Она развернулась и пошла к турникетам. Павел смотрел ей вслед. Он видел, как она предъявила билет проводнице и скрылась в вагоне у окна второго купе. Она не обернулась.

Он остался стоять на перроне под навесом. Поезд издал длинный, тоскливый гудок – прощальный крик стального зверя. Колёса закрипели по мокрым рельсам. Состав медленно тронулся с места, постепенно набирая скорость.

Марина сидела у окна. Их взгляды снова встретились на одно короткое мгновение – последнее касание душ перед разлукой. А потом её фигура скрылась за пеленой дождя и тумана.

Павел смотрел вслед уходящим красным огонькам последнего вагона до тех пор, пока они не превратились в крошечную точку и не исчезли совсем.

Перрон опустел. Носильщики убрали тележки в сторону,

последние провожающие разошлись по своим делам. Павел остался один под гулким сводом вокзала.

Он вышел на улицу и поднял лицо к небу. Дождь усилился, холодные капли били по щекам, смешиваясь с чем-то солёным и горячим внутри него. Он сделал шаг вперёд и наступил в неглубокую ямку с землёй – там ещё виднелся отпечаток её каблука.

Дождь тут же принялся за работу: поверхность воды зарыбила от новых капель, и след начал расплываться, терять форму и вскоре исчез совсем. Словно и не было её здесь никогда. Словно это был лишь сон под осенним дождём.

Павел сунул руки в карманы мокрого пальто и направился прочь от вокзала в серую мглу города. Он шёл по мокрому асфальту, и его шаги гулко отдавались в пустоте.

Отдых, который запомнился навсегда

Солнце заливало песчаный берег золотистым светом, а море переливалось всеми оттенками бирюзы: от нежно-голубого у берега до глубокого сапфирового вдали. Анна с мужем и дочкой приехали на море впервые за пять лет, и каждый миг этого отпуска казался им настоящим чудом.

Первые дни прошли как в сказке: они строили замки из песка, купались в тёплой воде, ели мороженое на набережной и смеялись до боли в животе. Вечера проводили в маленьком кафе у пристани, наблюдая, как солнце медленно

опускается в море, оставляя на воде огненную дорожку.

На четвёртый день Анна решила отправиться на экскурсию к старинному маяку, расположенному на скалистом мысе в нескольких километрах от их отеля. Гид обещал захватывающие виды и рассказы о кораблекрушениях XIX века. Анна взяла с собой фотоаппарат, муж – бутылку воды, а дочка – любимую куклу.

Путь к маяку оказался не таким простым, как казалось на карте. Тропинка вилась среди скал, то поднимаясь вверх, то резко обрываясь вниз. Но виды стоили усилий: с высоты открывалась панорама бескрайнего моря, а внизу волны с грохотом разбивались о камни, разбрасывая брызги, сверкающие на солнце.

Когда они наконец добрались до маяка, солнце уже клонилось к закату. Анна сделала несколько снимков, муж помогал дочке перебраться через особенно крутой участок, а потом все вместе они уселись на тёплой каменной плите, чтобы передохнуть.

– Мам, смотри! – вдруг воскликнула дочка, указывая вниз.

Анна пригляделась и увидела у подножия скалы что-то яркое. Это был рюкзак – ярко-оранжевый, с разноцветными нашивками. Он лежал на небольшом выступе, до которого можно было добраться, только спустившись по почти отвесной скале.

– Наверное, кто-то потерял, – предположил муж. – Надо

сообщить гиду.

Но дочка уже загорелась идеей спуститься и посмотреть, что внутри. После недолгих уговоров Анна и муж согласились – но только под их строгим присмотром.

Спуск оказался куда сложнее, чем они думали: камни были скользкими от морской соли, а выступ – меньше, чем казался сверху.

Наконец, Анна дотянулась до рюкзака. Он был лёгким, но, когда она открыла его, внутри обнаружила не вещи туриста, а... стопки бумаг, перетянутые резинками, и небольшой металлический кейс.

— Что это? — удивилась дочка.

Анна достала одну из бумаг. Это были чертежи: сложные схемы с пометками на незнакомом языке и цифрами. Кейс оказался запертым, но на его поверхности виднелись следы коррозии, как будто он долго пролежал в воде.

В этот момент над их головами раздался громкий крик. Они подняли глаза и увидели, как к маяку подъезжает внедорожник. Из него вышли двое мужчин в тёмных костюмах. Один из них достал рацию и что-то быстро проговорил.

– Нам нужно уходить, – тихо сказал муж, хватая рюкзак. – Быстро!

Они начали подниматься, но камни под ногами осыпались, замедляя движение. Мужчины уже бежали к ним, выкрикивая что-то на том же незнакомом языке.

Добравшись до вершины, семья бросилась к тропинке. За

спиной слышались крики и топот. Анна крепко держала дочку за руку, муж нёс рюкзак. Они бежали, не разбирая дороги, пока не выскочили на широкую тропу, ведущую к пляжу.

Там они заметили группу туристов с гидом. Не раздумывая, Анна подбежала к ним:

– Помогите! За нами гонятся!

Гид, высокий мужчина с седыми висками, мгновенно оценил ситуацию

– Сюда! – он указал на старый рыбацкий катер, пришвартованный неподалёку. – Быстрее!

Через пять минут катер уже мчался по волнам, оставляя позади маяк и двоих мужчин, с бессильной яростью стоящих на берегу

– Что в этом рюкзаке? — спросил гид, управляя судном.

Анна молча протянула ему бумаги. Мужчина быстро просмотрел их, и его лицо стало серьёзным.

– Это чертежи подводной лодки. Судя по всему, экспериментальной модели. И, кажется, она затонула неподалёку отсюда.

– Но как она оказалась у нас? — прошептала Анна.

– Кто-то явно не хочет, чтобы эти документы попали в чужие руки, – ответил гид. – И теперь вам нужно быть очень осторожными.

Катер причалил к пляжу возле отеля. Супруги и дочь сошли на берег, всё ещё не веря, что спаслись. Рюкзак с собой они больше не несли, гид настоял, чтобы они оставили свою

находку у него для безопасности.

Вечером, сидя на балконе номера, Анна смотрела на море. Оно всё так же переливалось бирюзой, но теперь в его глубинах таилась тайна, которую она, вероятнее всего, никогда не разгадает.

А на следующий день в местных новостях сообщили о таинственном происшествии у маяка: двое мужчин были задержаны полицией по подозрению в незаконном проникновении на охраняемую территорию. Но ни слова о рюкзаке, чертежах или подводной лодке. Участниками чего пришлось стать ей и членам её семьи? Загадка.

Отпуск продолжался, но каждый раз, глядя на море, Анна вспоминала тот день, когда обычный отдых превратился в опасное приключение, о котором она будет предпочитать молчать всю жизнь.

Последний фонарщик

Октябрьский Петербург 1913 года встретил Семёна Ильича промозглым ветром с Невы. Город ещё спал, укутанный в серую шаль тумана, но в нём уже чувствовалось дыхание перемен. По Невскому проспекту, громяхая по брусчатке, проехал первый, ещё диковинный электрический трамвай, ослепив редких прохожих ярким светом фар. Но Семён Ильич смотрел не на него. Его взгляд был прикован к веренице газовых фонарей, выстроившихся вдоль улицы.

В предрабасветных сумерках они выглядели как верные, но уснувшие стражи. Их стеклянные колпаки были покрыты каплями росы, а внутри, в латунных трубках, ждал своего часа газ. Город пах сыростью, конским навозом и угольным дымом из печных труб. Это был запах старого мира – мира, который Семён Ильич знал и любил. Он поправил на плече ремень своей длинной лестницы и привычным движением проверил огниво в кармане потёртого бушлата.

Его день начинался задолго до того, как город просыпался. Семён Ильич шёл по пустынным улицам, и звук его шагов гулко отдавался от стен домов. Он двигался от фонаря к фонарю, словно исполняя ритуал.

– Доброе утро, Семён Ильич! – крикнул ему дворник Михалыч, усердно махая метлой у подъезда доходного дома. – Что-то ты сегодня припозднился?

– Да туман густой, не видать ни зги, – хрипло ответил фонарщик, останавливаясь у очередного столба.

Он приставил лестницу, ловко взобрался наверх. Внизу проплывал город: вот булочная купца Елисеева, откуда уже доносился запах свежей сдобы, вот аптека с зелёным крестом. Для многих он был просто частью пейзажа, «человеком с лестницей», но для Семёна Ильича каждый фонарь был знакомым. Он знал их все: у этого стекло треснуло ещё в прошлом году, а тот всегда горел чуть тусклее других.

Щёлкнуло огниво, вспыхнул маленький синий огонёк на конце шеста с фитилём. Семён Ильич аккуратно поднёс его

к горелке. Раздалось тихое шипение, и мягкий, тёплый жёлтый свет залил тротуар, прогоняя остатки ночи. Он спустился вниз и пошёл дальше, оставляя за собой цепочку оживших звёзд.

В тот день его маршрут закончился раньше обычного. У ворот городской управы стоял странный экипаж – не карета и не телега, а что-то железное на резиновых колёсах. Рядом с ним суеился молодой человек в щегольском пальто и круглых очках.

– Любезный! – окликнул он Семёна Ильича. – Вы ведь местный фонарщик?

Семён Ильич остановился, с неприязнью глядя на незнакомца:

– Ну я. Чего надобно?

– Позвольте представиться, инженер Вольнов. Я представляю компанию «Сименс и Гальске». Мы проводим электрификацию центральных улиц.

Инженер говорил быстро и восторженно:

– Представьте себе! Никаких лестниц, никакого газа! Лампы накаливания будут гореть ярче солнца! Управлять ими можно будет из одной будки нажатием кнопки! Это прогресс!

Семён Ильич слушал молча, хмуро глядя на блестящий автомобиль инженера.

– А нам-то что с того? – наконец буркнул он.

– Как что? Ваша работа станет ненужной. Это же... осво-

бождение от рутины!

Слово «ненужной» резануло слух большее ножа. Фонащик молча развернулся и пошёл прочь, крепче сжав в руке свой шест.

Весь день слова инженера не шли у него из головы. Вечером он сидел в своей каморке под лестницей во дворе. На стене висел старый календарь за 1898 год и выцветшая литография Зимнего дворца.

«Освобождение от рутины», – передразнил он мысленно голос инженера.

Для Семёна Ильича его работа не была рутиной. Это был смысл. Каждое утро он дарил городу свет. Он помнил лица людей, которые поднимали головы и улыбались тёплому огоньку его фонарей. Он помнил зимы 1905-го, когда метель была так, что не видно было собственной руки, а он всё равно шёл зажигать огни, чтобы заплутавший прохожий нашёл дорогу домой.

А что будет теперь? Холодный белый свет без души? Кнопка вместо живого огня? Его руки, знающие каждую царапину на латунных трубках, станут никому не нужны. Он чувствовал себя как старый корабль, который списывают на берег, потому что построили новый пароход из железа.

На следующий вечер ему выдали расчёт и приказ: «Завтра в 20:00 будет произведено пробное включение электрической сети».

Семён Ильич вышел на улицу раньше обычного. Город

был окутан сиреневыми сумерками. Он шёл медленно, прощаясь с каждым столбом.

Вот этот фонарь у аптеки – он помнил, как под ним целовались гимназист и модистка лет сорок назад.

А этот – у булочной – он освещал путь ему самому в молодости, когда он только начинал работать.

Он зажигал их один за другим. Щёлк-щёлк-щёлк... Знакомый звук казался ему прощальным салютом. Жёлтый свет выхватывал из темноты мокрую брусчатку, отражался в лужах.

Когда последний фонарь на его участке вспыхнул ровным пламенем, Семён Ильич не стал спускаться сразу. Он стоял наверху, держась за холодный металл столба, и смотрел на город.

Вдали уже загорались первые электрические огни – резкие, белые, безжизненные. Они били в глаза холодным светом будущего.

Семён Ильич вздохнул, поправил шапку и начал медленно спускаться по лестнице вниз. Его тень на стене дома становилась всё длиннее и тоньше, пока не исчезла совсем в наступающей ночи. Он свернул свою лестницу и пошёл домой по тёмной улице – улице, которая завтра станет совсем другой. Его работа была окончена.

Свет в конце тоннеля

Анна всегда мечтала стать профессиональной пианист-

кой. С пяти лет она

проводила часы за инструментом, оттачивая технику, изучая сложные произведения и мечтая о большой сцене. Её талант отмечали педагоги, а родители гордились дочерью и поддерживали во всех начинаниях.

Но в 17 лет жизнь Анны резко изменилась. Во время велосипедной прогулки она попала в аварию и получила серьёзную травму правой руки.

Врачи вынесли неутешительный диагноз: полное восстановление мелкой моторики маловероятно. «О профессиональной игре придётся забыть», – сказали они.

Первые месяцы после травмы были самыми тяжёлыми. Анна погрузилась в глубокую депрессию. Она не прикасалась к пианино, избегала друзей и даже подумывала бросить музыкальную школу. Мир, который раньше казался полным красок и возможностей, теперь выглядел серым и безрадостным.

Однажды, листая старые ноты, Анна наткнулась на партитуру для левой руки –

произведение, написанное специально для пианистов с ограниченными возможностями. Это стало поворотным моментом. «Если я не могу играть как раньше, значит, нужно научиться играть иначе», – решила она.

Путь к новому началу был непростым. Анне пришлось

полностью пересмотреть технику игры, найти педагога, готового работать с её особенностями, подобрать репертуар, подходящий для одной руки, преодолеть страх сцены и неуверенность в себе. Каждый день она проводила за инструментом по 6-8 часов, терпеливо отрабатывая

каждое движение. Поначалу пальцы не слушались, мышцы болели, а слёзы часто капали на клавиши. Но Анна не сдавалась. Она вела дневник, где записывала даже маленькие победы: «Сегодня смогла сыграть этюд без ошибок», «Освоила новый пассаж», «Не испугалась, когда сбилась на репетиции».

Через два года упорных тренировок Анна решилась на публичное выступление. Это был школьный концерт, но для неё он стал настоящей премьерой. Когда она вышла на сцену, сердце бешено колотилось, а ладони вспотели. Но как только первые звуки

полились из-под её пальцев, страх ушёл. Она играла с такой страстью и глубиной, что зал замер. А когда прозвучали последние аккорды, раздались овации.

Это выступление стало отправной точкой. Анна начала участвовать в конкурсах для

музыкантов с ограниченными возможностями, постепенно расширяла репертуар и даже

начала сочинять собственные произведения. Через пять лет после травмы она дала

сольный концерт в городском филармоническом зале. Билеты раскупили за неделю. На сцене, под светом софитов, Анна чувствовала не просто победу над обстоятельствами – она ощущала гармонию с музыкой и собой. В финале концерта, когда зал встал и

аплодировал стоя, она поняла: её путь только начинается.

Сегодня Анна – признанная пианистка и педагог. Она учит других не сдаваться перед

трудностями и верит: «Нет непреодолимых преград, есть только новые пути к мечте». Её

история – напоминание о том, что даже в самых тёмных моментах всегда есть свет, если

продолжать идти вперёд.

Чужой ребёнок

Виктор шёл по аллее городского парка, не замечая ни золотистой листвы под ногами, ни играющих вдалеке детей. В наушниках гремел тяжёлый рок, но даже он не мог заглушить внутренний шум – мысли о квартальном отчёте, который нужно было сдать ещё вчера, и о вчерашнем разговоре с начальством. День не задался с утра: кофе сбежал, машина не завелась, а теперь ещё и этот парк, полный кричащих детей и их нервных мамаш, мешал ему сосредоточиться.

Он ускорил шаг, лавируя между прохожими. Его мир был сжат до размеров экрана смартфона и списка дел в ежеднев-

нике. Он был успешным менеджером, человеком-календарём, у которого всё распланировано на полгода вперёд. Эмоции были для него чем-то лишним и неэффективным.

Внезапно его размышления прервал тихий, но настойчивый голосок:

– Дядя...

Виктор остановился и раздражённо сдвинул один наушник. Перед ним стояла маленькая девочка лет пяти. Её светлые волосы растрепались, а в одной руке она сжимала потрёпанного плюшевого зайца. Она не плакала, но её нижняя губа предательски дрожала.

– Чего тебе? – буркнул он, оглядываясь по сторонам в поисках её родителей.

– Я потерялась, – тихо сказала она. – Мама сказала ждать здесь, у большой скамейки, а я пошла посмотреть на белочку... А теперь мамы нет.

В её глазах не было паники, только огромное детское недоумение и надежда, что этот строгий дядя сейчас всё решит. Виктор почувствовал укол раздражения. Он опаздывал на встречу.

Он вздохнул. Выбора не было.

– Так, стой здесь и никуда не уходи, – строго сказал он. – Я сейчас найду твою маму.

Он быстро пошёл в сторону парковой администрации, где обычно дежурили полицейские или охрана. По пути он достал телефон и набрал 112, чтобы сообщить о потерявшемся

ребёнке.

Вернувшись к скамейке, он увидел, что девочка так и стоит на месте, прижимая к себе зайца.

– Не бойся, – сказал он уже мягче. – Сейчас придут люди и помогут найти твою маму.

Он присел перед ней на корточки.

– Как тебя зовут?

– Маша.

– А зайца как зовут?

– Пушок.

Он достал из кармана жвачку – единственную вещь, которая была у него для детей.

– Держи. Жуй, а не глотай. Только не говори маме, что я тебе дал сладкое перед обедом.

Маша слабо улыбнулась и взяла угощение.

Они ждали недолго. Через пару минут прибежала запыхавшаяся молодая женщина с перекошенным от страха лицом. Увидев дочь, она бросилась к ней с объятиями.

Виктор уже собирался уйти, посчитав свою миссию выполненной, когда Маша схватила его за рукав куртки:

– Дядя! А вы завтра придёте? Мы с мамой будем кормить уток у пруда!

Виктор опешил. Он посмотрел на девочку, потом на её маму, которая смущённо улыбалась и благодарила его со слезами на глазах.

– Я... я не знаю, Маша. У меня работа.

– А кем вы работаете? – спросила девочка с искренним любопытством.

– Я... управляю людьми и цифрами в большой компании. Маша задумалась на секунду:

– Это скучно. А я хочу быть балериной! И чтобы у меня было много-много друзей.

Её слова прозвучали так просто и так искренне, что Виктор почувствовал себя глупо со своим статусом и дорогими часами. Он улыбнулся девочке впервые за день по-настоящему:

– Уверен, у тебя всё получится.

Он смотрел им вслед: мама крепко держала дочь за руку, а Маша то и дело оборачивалась и махала ему рукой вместе со своим зайцем Пушком.

Виктор снял наушники и убрал их в карман. Вокруг него снова был парк: шумный, живой, разноцветный. Но теперь этот шум его не раздражал. Он слышал смех детей, шелест листвы, далёкий лай собаки.

Он посмотрел на экран телефона – там мигало напоминание о встрече через пятнадцать минут. Но вместо того, чтобы бежать к выходу из парка к стоянке такси, он медленно пошёл в другую сторону – к пруду, где плавали утки.

«Управляю цифрами», – повторил он про себя слова, сказанные Маше, и усмехнулся.

В его идеально выстроенном мире внезапно появилась трещина, сквозь которую пробивался солнечный свет и дет-

ский смех. И впервые за долгое время ему захотелось просто постоять и посмотреть на этот свет, отложив телефон и ежедневник в сторону.

Чему научила армия

(из воспоминаний служившего рядового Алексея Портупейкина)

События, предшествовавшие службе, вспоминаются с трудом: звонок в дверь, приглушённый разговор о повестке, неудачная попытка спрятаться в кладовке (мама долго искала, но всё равно нашла). Слова мамы о том, что каждый мужчина должен пройти через службу в армии, прибавили мне оптимизма. Я рисовал картины, как я отлично стреляю, вручаю товарищей из беды, меня награждают медалями, или даже орденами, но реальность, как вы понимаете, безусловно внесла свои коррективы.

Затем были проводы: волнение папы, слёзы мамы, пожелание девяностолетнего деда «не потерять сапоги», напутствия друзей «вернуться живым, несмотря ни на что», делёжка полок в вагоне по дороге в часть.

Приехали к вечеру. Казарма встретила эхом шагов и запахом хлорки. Старшина провёл инструктаж:

– Здесь армия. Порядок, дисциплина, исполнение приказа – это соблюдать неукоснительно.

Первые дни на службе прошли как в тумане и не устава-

ли удивлять. Пытался уложить в голове десятки новых правил. В казарме я понял, что кровать – это не кровать, а «место для сна»: доски с тонким матрасом, тумбочка – полка с крючком на стене, даже полотенце имеет строгое место на крючке. Глядя на мои попытки аккуратно разложить вещи и завязать ремень, старшина рявкнул:

– Рядовой, вы в пионерлагерь приехали? Что за цирк? Всё должно быть по уставу!

По уставу – это значит, что носки лежат параллельно, ремень натянут так, что я удивлялся, как дышу, кровать заправлена с «уголком» на одеяле. По уставу почему-то не получалось.

Утром я попытался вскочить, ещё не успев проснуться, под звуки армагеддона, запутался в одеяле и упал. Оказывается, звуками армагеддона был резкий, как удар, звук горна в 6:00. Однако, через минуту я уже стоял в строю, правда, не до конца осознавая, что происходит.

– Это каша? – спросил я у сотоварища, увидев на завтрак нечто, напоминающее цементную смесь.

– Привыкнем к местному креативу, – усмехнулся он и в дальнейшем оказался прав.

Дни потянулись один за другим: утренняя зарядка, подтягивания, командные упражнения, занятия по строевой подготовке – шаги, повороты, равнение, изучение устава, дежурства – дневальный, помощник дежурного, наряды по кухне.

Сначала всё вызывало отторжение. Зачем тщательно за-

правлять кровать? Почему надо спрашивать разрешения попить воды? Осознание того, что это не прихоть, а система, которая учит вниманию, ответственности, умению действовать в команде, пришло позднее.

– Рядовой Портупейкин, вы будто на прогулке идёте, как пьяный медведь, – вздохнул командир, глядя на мои попытки ходить в ногу.

Строевая подготовка стала испытанием. Ноги будто жили своей жизнью.

– Шаг должен быть чётким, – потребовал командир, – повторите!

Я повторил. И ещё раз. И ещё. Так увлёкся, что принял фонарный столб за офицера и отдал ему честь, вызвав смех у командира. К концу занятия ноги гудели, но шаг стал гораздо ровнее.

Я быстро почувствовал, что в армии не один. Мы стали командой. Помогали друг другу. Однажды на учениях мы заблудились в лесу. Связь пропала, карта не помогала, но мы не запаниковали, разбили лагерь, разожгли костёр, восстановили связь, дождались указаний. Командир потом похвалил:

– Молодцы! Не растерялись.

Были и смешные случаи.

Впервые на стрельбах я сделал три выстрела – три попадания. Я был горд, но выяснилось, что эти попадания от выстрелов соседа слева.

На занятиях по химзащите я чуть не задохнулся, надел

противогаз, перепутав верх и низ. Смотрю сквозь стекло, но дышать не могу. Весь взвод хохотал, а инструктор, сдерживая улыбку, сказал:

– Рядовой Портупейкин, вы будто в космос собрались.

Я покраснел, но как правильно надевать противогаз запомнил на всю жизнь.

Год пролетел незаметно. Я не стал супергероем, но научился вставать по первому сигналу, доводить дело до конца, отвечать за свои слова, доверять товарищам и поддерживать их. Этот год изменил меня. Не сломал, а закалил. Армия оказалась не совсем тем, что я ожидал, но она запомнилась мне множеством историй, верными друзьями, умением понимать юмор в самых неожиданных ситуациях. Эти воспоминания будут со мной ещё много лет.

Урок стирки

(из армейских будней служившего рядового Алексея Портупейкина)

Первые дни в армии обрушились на Алексея лавиной новых впечатлений. Казарма, строгий распорядок, незнакомые лица – всё казалось чужим и пугающим. Он старательно выполнял команды, подтягивался на турникете, маршировал, но одна задача неизменно вызывала у него панику: стирка. Дома мама всегда заботилась о его вещах. Даже в студенческие годы она тайком забирала из его комнаты грязные нос-

ки и трусы, а через пару дней возвращала их идеально выглаженными. В армии эта схема поначалу работала: во время редких свиданий Алексей передавал матери свёртки с бельём, а в следующий раз получал обратно чистые вещи. Он искренне считал, что так и должно быть, ведь кто-то же должен этим заниматься?

Но однажды всё раскрылось. Старшина роты, капитан Морозов, проводя плановую проверку личных вещей, обнаружил в тумбочке Алексея аккуратно сложенный пакет с грязным бельём. Лицо капитана потемнело.

– Новобранец Портупейкин! – рявкнул он. – Это что такое?

Алексей побледнел.

– Товарищ капитан... это... маме передать хотел...

– Маме?! – Морозов с трудом сдержал гнев. – Ты в армии, Портупейкин! Здесь мы сами о себе заботимся. Ты что, не знаешь, как стирать?

– Не умею... прошептал Сергей.

Капитан на секунду закрыл глаза, словно пытаясь собраться с силами.

– Хорошо. Научим. С завтрашнего дня ты будешь стирать бельё всей казармы. Всю неделю. А я лично проконтролирую, чтобы всё было как положено. Понял?

Неделя превратилась в испытание. Каждое утро после подъёма Алексей бегал в прачечную с огромными мешками грязного белья. Он тёр носки щёткой до мозолей, полоскал

в ледяной воде, развешивал на верёвках, боясь, что кто-то заметит его «работу».

Сослуживцы сначала смеялись, потом начали подсказывать:

– Алёша, ты порошок не так сыплешь!

– В тёплой воде лучше отстирывается!

– Вот смотри, как надо складки разглаживать!

К концу недели Алексей мог с закрытыми глазами определить, какие носки принадлежат любителю кофе, а какие – фанату острого перца. Он научился различать типы тканей, подбирать температуру воды, даже придумал хитрость с содой для удаления сложных пятен.

В пятницу капитан Морозов лично проверил результаты. Он достал из стопки носков один, повертел в руках, понюхал и кивнул.

– Нормально. Не идеально, но терпимо. Научился?

Сергей устало улыбнулся.

– Научился, товарищ капитан.

– Запомни: армия не только стрелять учит. Она учит жить. Теперь ты знаешь, что даже стирка – это часть службы. И часть взросления.

Вечером, складывая в тумбочку свежестыранное бельё, Алексей вдруг осознал: он больше не боится бытовых задач. А ещё – впервые за месяц – почувствовал себя настоящим солдатом. Не маменькиным сынком, а человеком, который может справиться с любой работой.

С тех пор он стирал свои вещи без напоминаний. А иногда даже помогал тем, кто, как и он когда-то, растерянно смотрел на грязные носки, не зная, с чего начать.

Как старшина отучил новобранцев курить

(из армейских будней служившего рядового Алексея Портупейкина)

Первые недели службы в воинской части всегда непросты. Новобранцы, ещё не

привыкшие к жёсткому распорядку, пытались хоть как-то сохранить остатки прежней

свободы. Одним из таких «островков свободы» стало курение. Парни тайком собирались за складом, курили и болтали о доме, пока офицеры не видят.

Командование не раз выговаривало за нарушения, велись беседы о дисциплине и вреде курения, но всё без толку. Стоило офицерам отвернуться – в укромных уголках снова появлялись клубы дыма.

Однажды старшина Карпов, человек немногословный и с пронзительным взглядом, неожиданно вышел из-за угла как раз в тот момент, когда пятеро новобранцев торопливо прятали сигареты. Он не стал кричать, не начал выписывать наряды вне очереди, просто остановился, посмотрел на них, кивнул каким-то своим мыслям и произнёс:

– Завтра увидите, что будет.

Его слова повисли в воздухе. Парни переглянулись, но расспрашивать не стали – знали: Карпов не из тех, кто разбрасывается пустыми угрозами.

На следующее утро старшина явился на плац с парой старых носилок. Строй замер в недоумении.

– Так, – скомандовал Карпов, – кто вчера курил за складом – выйти из строя.

Пятеро парней неохотно шагнули вперёд.

– А теперь найдите тот окурок, что бросили там, принесите и положите на носилки.

Солдаты переглянулись, но приказ выполнили. Маленький серый окурок одиноко лежал на деревянных носилках.

– Двоим – взять носилки. Остальным – стройся. Марш-бросок. Пять километров. Бегом. И чтобы окурок не упал! бросок. Пять километров. Бегом. И чтобы окурок не упал!

Поначалу парни даже посмеивались, ну что такого, побегаем, дело привычное. Но через пару километров смех стих. Носилки то и дело норовили перекосяться, окурок грозил упасть, а старшина шёл следом и невозмутимо подгонял:

– Ну что, легко курилось? Теперь несите с почётом.

Добравшись до поля, где обычно проходили занятия по тактике, солдаты едва держались на ногах, но отдых не предвиделся.

– Теперь копаем яму. Два метра глубиной. И хороним этот окурок как полагается.

Лопаты вонзались в землю, пот заливал глаза. Кто-то бур-

чал под нос, кто-то молча копал, понимая: от работы не отвертеться.

Когда яма была готова, старшина подошёл, посмотрел на окурок на носилках и кивнул:

– Опускайте. Засыпаем.

Земля глухо застучала по остаткам сигареты.

– А теперь обратно. Бегом.

Обратный путь показался ещё тяжелее. Ноги подкашивались, дыхание сбивалось, но строй упорно двигался к части.

Наконец, вернувшись на плац, солдаты едва стояли. Старшина обвёл их взглядом и сказал:

– Курить – ваше дело. Но каждый окурок теперь будет стоить вам десять километров бега и двух метров земли. Выбирайте.

В строю повисла тишина. Потом кто-то нервно рассмеялся, остальные подхватили. Но в этом смехе уже не было прежнего легкомыслия.

С тех пор количество курильщиков в подразделении резко сократилось. Те, кто всё же не мог отказаться от привычки, курили теперь только в отведённом месте и аккуратно убирали за собой. А история про окурок и десятикилометровый марш-бросок стала легендой части, её пересказывали каждому новому призыву как пример того, что иногда самый неожиданный метод оказывается самым действенным.

Письмо домой

(из армейских будней служившего рядового Алексея Пор-
тупейкина)

Солнце уже скрылось за горизонтом, и в казарме наступила та особенная, звенящая тишина, которая бывает только после отбоя. Воздух был пропитан запахами гуталина, влажной ткани и едва уловимым ароматом свежей хвои: где-то в углу стояла маленькая, самодельная ёлка, оставшаяся с Нового года. Вдоль рядов двухъярусных кроватей горел лишь один тусклый ночной светильник, выхватывая из полумрака белые простыни и тёмные силуэты спящих ребят.

Алексей сидел на своей койке, свесив ноги. В руках он держал помятый, но чистый лист бумаги из тетради и простую шариковую ручку. Он долго смотрел на белый прямоугольник, словно боялся нарушить его чистоту первым словом. Вокруг раздавалось мерное сопение и тихий храп. Он достал из тумбочки конверт, на котором уже был выведен знакомый до боли адрес: «Россия, Саратовская обл., г. Энгельс, ул. Лесная...». Сердце на мгновение сжалось.

Он прикрыл глаза. Перед внутренним взором поплыли картины прошлого.

Вот мама на кухне, в старом фартуке в мелкий цветочек. Она стоит у плиты, и по дому разносится запах её фирменных пирожков с капустой. Он помнил тепло её рук, когда она поправляла ему воротник перед школой.

А вот Аня. Её смех звенел как колокольчик. Они сидели

на лавочке у подъезда тем самым летним вечером, когда он решился взять её за руку. Он помнил каждую веснушку на её носу и то, как пахли её волосы – полевыми цветами и чем-то неуловимо сладким.

И двор... Старый тополь, скрипучие качели, которые он сам чинил в десятом классе, и запах мокрого асфальта после летнего ливня

«Привет», – вывел он наконец на бумаге. Рука дрогнула. Слово показалось слишком сухим, официальным.

Он отложил ручку и прислушался к дыханию соседа по койке – Димки из Новосибирска. Они познакомились в учебке и сразу нашли общий язык.

«Служба – это не только устав и марш-броски, – подумал Алексей. – Это когда ты знаешь, что Димка прикроет твою спину на полигоне, а ты поделишься с ним последним пряником из посылки».

Он вспомнил свой первый день: растерянность, тяжёлые берцы, чужие лица. Теперь всё было иначе. Он стал жёстче, собраннее. Исчезла юношеская угловатость, плечи расправились. Но вместе с физической силой пришла какая-то внутренняя тишина и ответственность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.